

М. М. Герасов

ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПРИ ПОСТОЯННОМЪ СОТРУДНИЧЕСТВѢ

Н. О. Дерюжинская, А. А. Исаева, Н. М. Коркунова

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. Д. СЕРГѢЕВСКАГО

Годъ первый.

1890.

Январь.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
1. Юридическая Лѣтопись	3— 5
2. Гольмстенъ А. Х. «Правда и Милость» въ граждан- скомъ судѣ	6—21
3. Фуксъ Владиміръ, Судебная Реформа прибалтійскихъ губерній	22—43
4. Корнуновъ Н. М. А. Д. Градовскій	44—50
5. Хроника русскаго законодательства за 1889 годъ .	51—90
I Законодательство процессуальное	52—64
II Гражданское право	65—72
III Государственное право	72—81
IV Законодательство экономическое	81—90
6. Объявленія: Книги, книжные магазины, журналы.	

А. Д. ГРАДОВСКИЙ.

13 декабря 1841 г.—6 ноября 1889 г.

Н. М. Коргунова.

Въ лицѣ скончавшагося въ ноябрѣ истекшаго года А. Д. Градовскаго русская наука понесла тяжелую потерю. Это былъ учитель въ самомъ высокомъ значеніи слова. Всегда искренній и часто увлекающійся, онъ умѣлъ увлечь съ собою и слушателя, и читателя. Его слово дѣйствовало обаятельно потому, что всегда неизмѣнно служило высокимъ началамъ правды. Его рѣчь производила глубокое впечатлѣніе, потому что въ ней слышалась живая, неподдѣльная вѣра. И все это подкрѣплялось великою силой обширнаго знанія и глубокаго ума.

Журнальныя статьи и публичныя лекціи покойнаго были такъ блестящи, что въ глазахъ иныхъ они заслоняли его крупныя ученныя работы. Но и самый этотъ блескъ его публицистической дѣятельности обусловливался серьезною научною подготовкой: она-то и придавала такую силу его рѣчи, она-то и дѣлала ее такой убѣдительною и содержательной.

Научное наслѣдіе, оставленное покойнымъ А. Д. Градовскимъ, очень значительно. Высшая администрація XVIII в. и генераль-прокуроры, Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи, Начала русскаго государственнаго права, Германская конституція, Государственное право главнѣйшихъ европей-

скихъ державъ, три сборника его статей: Исторія, политика, администрація, Національный вопросъ и Трудные годы—таковы главнѣйшія его произведенія, не считая множества отдѣльныхъ статей, разбѣянныхъ въ журналахъ и газетахъ.

Но среди всѣхъ этихъ ученыхъ и публицистическихъ произведеній первое и, такъ сказать, центральное мѣсто принадлежитъ, безспорно, его Началамъ русскаго государственнаго права. Съ преподаванія именно русскаго права началъ покойный свою дѣятельность въ петербургскомъ университетѣ, и всѣ другія его произведенія какъ-бы тяготеютъ къ этому основному, главному труду его жизни. Всѣ они служили или подготовкой къ нему, или частнымъ освѣщеніемъ проводимыхъ въ немъ идей: закона, народности, свободы. И это дѣлалось само собой, невольно, такъ какъ вся дѣятельность А. Д. Градовскаго посвящена была, въ сущности, одному дѣлу; во всѣхъ своихъ трудахъ онъ ставилъ себѣ всегда одну и ту же высокую задачу: выяснить и осмыслить основныя начала нашей государственной жизни. Въ наукѣ онъ видѣлъ не книжную только мудрость, но живую историческую силу. Научную дѣятельность онъ понималъ, прежде всего, какъ служеніе родной странѣ. Каждое его произведеніе, можно сказать — каждая строчка, выходившая изъ подъ его пера, служила отвѣтомъ на волновавшіе и волнующіе наше общество вопросы. Поэтому, оставленное имъ наслѣдіе не представляется случайною совокупностью разрозненныхъ статей и изслѣдованій. Нѣтъ, это одно стройное цѣлое. Словно, съ самаго начала онъ составилъ себѣ опредѣленный планъ работы на всю свою жизнь.

Подготовкой къ выясненію „началъ“ русскаго государственнаго строя послужили, прежде всего, историческія работы. Въ своей магистерской диссертациі А. Д. Градовскій далъ мастерское изображеніе постепеннаго историческаго развитія въ нашей высшей администраціи XVIII в. личнаго начала, подготовившаго послѣдовавшую затѣмъ замѣну коллегій министерствами. Исторія мѣстнаго управленія въ московскомъ

государствѣ послужила предметомъ его докторской диссертации, содержащей въ себѣ и обстоятельную теоретическую разработку вопроса о мѣстномъ самоуправленіи. Извѣстная книга В. И. Сергѣевича „Вѣче и князь“ дала ему поводъ изложить въ обширной критической статьѣ свои взгляды на нашъ государственный строй вѣчевого періода.

Но покойный профессоръ не ограничился одной только исторической подготовкой. Начала русскаго государственнаго права являются выясненными у него не только исторически, но и теоретически. И вотъ, прежде всего представлялось необходимымъ выяснить, въ какомъ отношеніи находятся между собой своеобразныя начала нашего государственнаго быта къ общимъ принципамъ, выработаннымъ политической наукой запада. Мы приняли участіе въ общей европейской жизни послѣ долгой, вѣковой отчужденности. Мы вступили въ семью европейскихъ народовъ съ самобытными особенностями, обусловленными своеобразиемъ нашего историческаго прошлаго. Противоположеніе русской самобытности началамъ западной политической жизни породило у насъ борьбу двухъ направленій, западническаго и славянофильскаго. На чью сторону долженъ былъ стать истолкователь русскаго государственнаго права въ этомъ спорѣ? Въ блестящихъ лекціяхъ своихъ о славянофилахъ раскрылъ онъ предъ слушателями общіе корни и общія ошибки и западниковъ, и славянофиловъ, одинаково опиравшихся на философское ученіе Фихте и Гегеля, одинаково впадавшихъ въ крайность. Самъ онъ, вмѣстѣ съ славянофилами, выдвигаетъ значеніе народности, какъ необходимой основы прочнаго политическаго развитія, и въ цѣломъ рядѣ статей старается выяснить идею народности въ ея отношеніи къ государству. Но онъ же вмѣстѣ съ западниками признаетъ необходимымъ поучиться у западныхъ народовъ, чтобы усвоить себѣ все, что есть въ ихъ цивилизаціи общечеловѣческаго. Не мало труда положилъ онъ на изученіе исторіи политическихъ учрежденій запада и, въ своемъ „Государственномъ правѣ“ главнѣйшихъ европейскихъ державъ“, далъ намъ та-

лантливое изложеніе постепеннаго развитія конституціонализма. Въ обширномъ двухтомномъ трудѣ „Германская конституція“ мы находимъ яркую картину политическаго объединенія нѣмецкаго народа.

Среди изслѣдованій А. Д. Градовскаго найдутся и посвященныя изученію отвлеченныхъ философскихъ системъ. Но характерно, что и тутъ онъ выбралъ именно то философское ученіе, ученіе Гегеля, которое пользовалось особеннымъ вліяніемъ въ русской жизни, получило руководящее значеніе для литературныхъ кружковъ сороковыхъ годовъ. И такъ во всемъ. Все, что написано А. Д. Градовскимъ, имѣетъ самое непосредственное отношеніе къ нашей государственной и общественной жизни.

Быть можетъ читатель скажетъ, что такъ и должно быть съ каждымъ государствовѣдомъ, что русскій изслѣдователь государственнаго права и не можетъ выбирать вопросовъ, чуждыхъ русской жизни. Да, конечно, такъ и должно быть, но только это далеко не такъ на самомъ дѣлѣ. Въ нашихъ университетахъ и было, и есть не мало профессоровъ государственнаго права; но труды ихъ, за исключеніемъ развѣ двухъ-трехъ, остались совершенно чуждыми русской жизни. Мы имѣемъ спеціальныя изслѣдованія по организациі мѣстнаго самоуправленія въ Пруссіи и Франціи; мы имѣемъ книги, спеціальныя посвященныя изложенію ученій Штейна и Гнейста, чего нѣтъ даже у самихъ нѣмцевъ; у насъ имѣются архивныя изслѣдованія по юрисдикціи налоговъ во Франціи въ XVI вѣкѣ, — все это у насъ есть. Но если васъ интересуесть какой-нибудь вопросъ нашего государственнаго права, вы найдете его разработку только у Градовскаго, у одного Градовскаго. И это такъ даже по самымъ крупнымъ вопросамъ государственнаго права. Въ системѣ нашего законодательства III и IX томы Свода Законовъ, конечно, одни изъ самыхъ важныхъ. Въ силу особенностей нашего государственнаго строя государственная служба получаетъ особенное значеніе. У насъ это не только техническій вопросъ цѣлесообразнаго пополненія

личнаго состава государственныхъ учреждений. У насъ государственная служба имѣетъ и политическое значеніе, какъ единственная форма участія общества въ общей государственной жизни, какъ главный путь къ переходу въ привилегированное состояніе дворянства. Постановка государственной службы такимъ образомъ непосредственно вліяетъ на весь складъ нашей государственной жизни. Слѣдовало бы поэтому ожидать, что по крайней мѣрѣ этотъ вопросъ сдѣлается у насъ предметомъ спеціальныхъ изслѣдованій. Въ нашей литературѣ, правда, имѣются двѣ монографіи о государственной службѣ, Нелидова и Куплеваскаго, но ни въ одной изъ нихъ нѣтъ ни слова о русскомъ законодательствѣ. То-же самое повторилось и съ нашими законами о правахъ состоянія. Выдающаяся историческая роль дворянства, громадное значеніе крестьянской реформы, казалось бы, сами собой заставляютъ русскаго государствовѣда остановиться на изученіи IX тома и Особаго къ нему приложенія. Но и по этому отдѣлу законодательства во всей нашей литературѣ только и есть, что первый томъ Началь русскаго государственнаго права.

Чѣмъ же объяснить такое безучастіе нашихъ публицистовъ къ родному праву? Объясненія можно искать тутъ лишь въ одномъ — въ необыкновенной трудности дѣла. Матеріаль нашего государственнаго законодательства представляется изслѣдователю въ самомъ сыромъ видѣ. Онъ разсыянъ во множествѣ томовъ Свода Законовъ, но все-таки весь не собранъ въ Сводѣ. Онъ загроможденъ массою мелочныхъ подробностей, чисто техническихъ или имѣющихъ характеръ нравственныхъ сентенцій, въ значительной части къ тому же совершенно устарѣлыхъ. И въ этой массѣ частныхъ постановленій, неимѣющихъ никакого юридическаго значенія, приходится разыскивать разрозненные и неполныя опредѣленія, представляющія дѣйствительно принципальное значеніе. При казуистичности и неполнотѣ нашихъ административныхъ уставовъ, административная практика, особенно практика Сената, играетъ большую роль въ

практической постановкѣ управления, а между тѣмъ она остается совершенно безгласной. При такихъ условіяхъ дать хотя бы только полное систематическое описаніе дѣйствующаго у насъ государственнаго права требуетъ уже огромнаго труда, кропотливой, упорной работы. Но образованный юристъ, а тѣмъ болѣе ученый изслѣдователь, не можетъ удовольствоваться однимъ только описаніемъ, однимъ пересказомъ законодательства. Научная обработка предполагаетъ освѣщеніе законодательнаго матеріала общими началами, выработанными теоріей. Иностранная политическая наука, правда, уже выработала эти начала. Но чтобы примѣнить выводы западныхъ теорій къ выясненію нашего законодательства, надо, чтобы нашъ законодательный матеріалъ получилъ хотя приблизительно такую-же внѣшнюю систематическую обработку, въ какой представляется намъ государственное право западныхъ державъ. Поэтому, когда А. Д. Градовскій приступилъ къ составленію своего курса русскаго государственнаго права, ему пришлось сразу дѣлать два дѣла: собрать и систематизировать законодательный матеріалъ и вмѣстѣ съ тѣмъ раскрыть въ этой массѣ казуистическихъ постановленій общія начала русскаго государственнаго права. Дюгамель, Андреевскій, Романовичъ-Славатинскій въ своемъ изложеніи дѣйствующаго права давали развѣ-что короткій перечень нашихъ учреждений, и то далеко неполный. Можно сказать, что именно тѣ вопросы, которые представляютъ наибольшій практическій интересъ, и вмѣстѣ наибольшія трудности для разработки, остались въ ихъ трудахъ вовсе незатронутыми. Но А. Д. Градовскій, конечно, не могъ ихъ обойти. Онъ не могъ, вмѣсто научной системы, положить въ основу своего изложенія внѣшній порядокъ отдѣльныхъ томовъ Свода законовъ и, начавъ съ перваго, отложить разсмотрѣніе III и IX томовъ *ad calendae graecas*. Онъ не могъ построить систему своего курса на противоположеніи правительства и общества и дать изложеніе одного лишь ученія о правительствѣ, не могъ, потому что понятъ государственный строй страны возможно только

путемъ выясненія взаимной связи этихъ элементовъ. Въ первомъ же томѣ своего курса ему пришлось поэтому остановиться на двухъ совершенно незатронутыхъ предшествовавшей литературой вопросахъ: на выясненіи юридической формы нашего государственнаго строя и на научной обработкѣ нашихъ законовъ о правахъ состоянія. Во второмъ томѣ онъ точно также далъ первую и до сихъ поръ единственную обработку III тома.

„Начала русскаго государственнаго права“ не только огромный трудъ, плодъ долгой, кропотливой работы,—это, можно сказать, великій подвигъ. Чтобы приняться за такое дѣло, нужна жеобыкновенная любовь и способность къ научной работѣ; чтобы успѣть въ немъ, нуженъ крупный, выдающійся талантъ. А успѣхъ оказался несомнѣнный. Авторъ не даромъ назвалъ свою книгу „Началами“. Онъ дѣйствительно выясняетъ въ ней основныя начала русской государственной жизни, и каждый томъ его курса представляетъ собою какъ-бы живое цѣлое, объединенное одной общей идеей. Такъ, въ первомъ томѣ такой общей идеей является начало законности, во второмъ—понятіе должности, въ третьемъ—понятіе мѣстности, какъ органической части государства. Третій томъ остался къ сожалѣнію незаконченнымъ. Смерть слишкомъ безвременно унесла отъ насъ перваго дѣйствительно научнаго истолкователя началъ русскаго государственнаго права.
